

Московский Центр Карнеги

Carnegie Endowment for International Peace

**ФАКТОР
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
САМОБЫТНОСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

Москва • 1998

Фактор этноконфессиональной самобытности
в постсоветском обществе

Под редакцией М. Олкотт и А. Малащенко

Московский Центр Карнеги

ISBN: 0-87003-140-6

Москва – 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторах	5
Введение	6
Религия и государство в России и СНГ	10
<i>Андрей Полонский.</i> Православная церковь и общество в посткоммунистической России	10
<i>Николай Митрохин.</i> Православие на Северном Кавказе	35
<i>Надежда Емельянова.</i> Роль и место религиозного фактора в структуре Федеральной пограничной службы	63
<i>Светлана Иникова.</i> Проблемы этноконфессиональных групп духоборцев и молокан	84
Формирование новой идентичности и стабильность на Кавказе	105
<i>Владимир Бобровников.</i> Советская национальная политика и изменение идентичности горцев Западного Дагестана	105
<i>Ирина Бабич.</i> Соотношение политической, религиозной и этнической идентичности в современном кабардино-балкарском обществе	140
<i>Анатолий Ямсков.</i> Традиционное землепользование кочевников исторического Карабаха и современный армяно-азербайджанский этнотерриториальный конфликт	168
Summary	198
О Фонде Карнеги	202

ТРАДИЦИОННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ КОЧЕВНИКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО КАРАБАХА И СОВРЕМЕННЫЙ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Анатолий ЯМСКОВ

Введение

Начавшаяся зимой 1987—1988 гг. открытая фаза армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе и его дальнейшая эскалация сделали этот этнический конфликт одним из наиболее известных на территории бывшего СССР, да и во всем мире. Вероятно, с тех пор Карабахский конфликт стал также одним из наиболее изученных — о нем написано немало научных статей и даже книг в стране и за рубежом, не говоря уже о поистине огромном количестве публицистики.

Ныне отечественные специалисты достаточно единодушно определяют данный конфликт как территориальный (Паин, Попов, 1990, с. 9; Тишков, 1997, с. 264). При этом в числе ведущих причин часто называют то обстоятельство, что земли Нагорного Карабаха считают «исторически своими» как армяне, так и азербайджанцы (Стрелецкий, 1997, с. 238; Ямсков, 1991, с. 170). Таким образом, используемая обеими сторонами аргументация из области «исторических прав на землю» имеет особое значение в объяснении зарождения, развития и перспектив урегулирования этого конфликта.

При анализе Карабахского конфликта практически всегда встают закономерные и взаимосвязанные вопросы: почему у живущих в одном историко-культурном и географическом регионе армян и азербайджанцев возникли кажущиеся взаимоисключающими представления о том, какое положение занимали их недавние предки в Нагорном Карабахе, и каким образом могут быть найдены взаимоприемлемые и компромиссные решения в этой области? Даже на первый из этих вопросов полный ответ пока не найден.

Данная работа не претендует ни на всесторонний анализ этих конкретных проблем, ни тем более на рассмотрение всех либо основных причин конфликта — характеристика последних дана в предшествовавших публикациях (см.: Ямсков, 1991; Yamskov, 1991). Эта работа имеет целью осветить лишь один малоизвестный, хотя и очень важный аспект указанных проблем. Речь идет о весьма существенной стороне армяно-азербайджанского территориального конфликта, до сих пор остающейся фактически за пределами внимания большинства исследователей и публицистов, — о праве на землю и о восприятии этого права потомками кочевых и полукочевых скотоводов-азербайджанцев, веками пользовавшихся высокогорными летними пастбищами и кочевыми маршрутами, оказавшимися в пределах Нагорного Карабаха после формального образования этой автономной области решением ЦИК Советов Азербайджана от 7 июля 1923 г.

Рассмотрение данного сюжета требует, однако, предварить его следующим замечанием. Ранее автор уже высказал свою позицию: «...только сочетание у населения любой территориальной единицы страны прав на национальное самоопределение в пределах союзного государства и на контроль, посредством демократических Советов, за социально-экономическим и национально-культурным развитием даст возможность максимально приблизиться к реальному решению... конфликтов» (Ямсков, 1991, с. 185; см. также: Yamskov, 1991, p. 658). Теперь, после исчезновения СССР в результате самоопределения бывших союзных республик, нет логических оснований не признавать то же право и за жителями всех других территориальных единиц в постсоветских государствах. Однако эта точка зрения, поддерживающая право на территориальное самоопределение жителей каждого района и бывшего сельсовета Нагорного Карабаха, равно как и всех других субъектов национально-государственного, национально-ад-

министративного и административно-территориального устройства бывшего СССР, вовсе не исключает необходимости учета прав азербайджанской части населения исторического Карабаха. Подчеркнутое внимание к последним — не выражение общеполитического выбора, а всего лишь исследовательская задача именно данной конкретной работы.

**Проблема определения «исторических прав на землю»
и прав на сохранение традиционного хозяйства
и землепользования кочевых и полукочевых скотоводов**

Ни в коей мере не вдаваясь в исследования древней и средневековой истории Карабаха и Восточного Закавказья в целом либо в изучение процессов манипулирования общественным сознанием и исторической памятью народов со стороны интеллектуальных элит в ситуации этнического конфликта, все же стоит кратко сформулировать аргументы, обычно используемые в подтверждение исторических прав армян или азербайджанцев на земли Нагорного Карабаха. Прежде всего, армяно-азербайджанский конфликт демонстрирует, что в восприятии политических элит обеих сторон исторические права на землю вытекают, во-первых, из *политической истории* данной территории («наша земля = земля, входившая в состав государства наших предков») и, во-вторых, из *этнической истории* населения этой спорной территории («наша земля = земля, где жили наши предки»).

В отношении армян задача решается очень легко. Известно, что армянское население непрерывно проживает в пределах Нагорного Карабаха уже как минимум тысячу лет, даже если принять спорную точку зрения на вхождение большей части данной территории в состав Кавказской Албании в начале — середине I тысячелетия н. э. и на преобладание там в тот период албанского населения (согласно иной точке зрения, Албания лишь ненадолго устанавливала политическое господство над землями к югу от Куры и Аракса в середине I тысячелетия н. э. — см., например: Новосельцев, 1989). Столь же хорошо известно, что в начале 1920-х годов армяне составляли примерно 94% постоянных жителей этой автономной области (округленные подсчеты автора по материалам статистики — см.: Азербайджанская сельскохозяйственная..., 1924, с. iv).

Давность проживания и абсолютно преобладающая численность армянского населения на момент официального создания Нагорно-Карабахской АО в 1923 г. практически всегда указываются в качестве той причины, которая позволяет считать эту территорию «исторически армянской» (среди множества публикаций такого рода см., например, публицистические статьи президента Нагорно-Карабахской Республики и ученых: Гукасян, 1998, с. 3; Вартанян, 1997, с. 5; Котанджян, 1997, с. 5).

Противоположная точка зрения, используемая для обоснования азербайджанских исторических прав на земли Нагорного Карабаха, наряду с реалиями советского периода обычно апеллирует к политической истории Карабахского ханства в XVIII в. и накануне его присоединения к России, поскольку ханство возглавляли предки азербайджанцев, игравшие в нем ведущую политическую роль (Левин, 1998, с. 5; Тодуа, 1994, с. 3). Часто также упоминаются факты переселений армян из Персии и Турции в пределы современного Нагорного Карабаха и других районов Закавказья при помощи русской администрации в первой половине XIX в., что трактуется как доказательство некоренного происхождения большей части современного армянского населения данной территории (см., например: Левин, 1998, с. 5; Юсубов, 1990, с. 22—23, 37—42).

В академических трудах широко используется также «албанская гипотеза», согласно которой период вхождения территории Карабаха в состав Кавказской Албании (I тысячелетие н. э.) был очень длителен и сопровождался заселением края этническими албанцами (либо полной ассимиляцией албанцами коренного и близкого к ним по языку и культуре местного кавказоязычного населения). Но поскольку на основной части территории Кавказской Албании этнически албанское население было в средние века ассимилировано тюрками и тем самым вошло в состав азербайджанцев, то и Карабах также является землей, где жили исторические предки азербайджанцев. Средневековое армянское население Карабаха, присутствовавшее здесь во II тысячелетии н. э., трактуется как результат ассимиляции коренного албанского населения армянами благодаря близости, а потом и единству григорианских церквей, способствовавших интенсивному культурному влиянию армян и их постоянной иммиграции (см. краткое изложение: Altstadt, 1992, p. 7).

Попутно отметим, что обе стороны этого конфликта не только по-разному оценивают ситуацию и, в частности, свои «исторические права» на Нагорный Карабах, но и прибегают к различным принципам международного права для обоснования своей современной позиции (армяне — к праву народов на самоопределение и независимость, азербайджанцы — к праву государства на территориальную целостность и нерушимость границ). Следовательно, территориальный армяно-азербайджанский конфликт по поводу Нагорного Карабаха относится к группе максимально сложных для урегулирования (см. подробнее: Kratochwil, Rohrllich, Mahajan, 1985, p. 119).

Итак, именно вопросы политической истории территории и этнической истории постоянно проживающего на данной территории населения обычно используются в качестве аргументов, доказывающих права каждой из сторон на земли Нагорного Карабаха. Данный подход преобладает не только в советских и постсоветских научных исследованиях и в публицистике, но и в работах ученых из «дальнего зарубежья», имеющих самую различную политическую ориентацию — см., например, работы достаточно нейтральные (Heradstveit, 1993, p. 22; Hunter, 1994, p. 97, 104—105; Loken, 1995, p. 10), явно проармянские (Chorbajian, Donabedian, Mutafian, 1994, p. 6, 11) и почти столь же открыто проазербайджанские (Altstadt, 1992, p. 7—8, 195—196).

Главная проблема, однако, состоит в том, что указанные «исторические аргументы», в чью бы пользу они ни приводились, сводятся именно к вопросам *политического господства* либо *присутствия в составе постоянного оседлого населения* на территории Нагорного Карабаха предков современных армян или азербайджанцев. Одновременно с этим иногда вскользь упоминается существование и сезонное нахождение на данной территории кочевых скотоводов-тюрок, являющихся прямыми предками азербайджанцев данного региона Закавказья, но никаких выводов относительно прав этих кочевников и их потомков на указанные земли не делается (Chorbajian, Donabedian, Mutafian, 1994, с. 109). Впрочем, часто о кочевниках-скотоводах исторического Карабаха вообще умалчивают. Подобную позицию армянских или проармянски настроенных специалистов еще можно понять, но, как это ни удивительно, полную солидарность с ними проявляют в этом плане и азербайджанские ученые, а также явно сочувствующи-

щие азербайджанской стороне авторы (см., например: Юсубов, 1990, с. 19, 22; Altstadt, 1992, с. 8, 196).

Указанная проблема — фактическое замалчивание в работах по Карабахскому конфликту земельных прав кочевого и полукочевого населения и его потомков — имеет по крайней мере два аспекта или два возможных объяснения.

Во-первых, это проблема оценки исторической роли кочевников (преимущественно тюрков, но также и курдов) в истории Закавказья, а также политических последствий такого рода оценок. Армянская и грузинская историография в XIX в. и в советский период акцентировала внимание на крайне негативной роли средневековых набегов и вселений тюркоязычных кочевников в регион. Тем самым фактически поддерживался (или даже формировался) взгляд на азербайджанцев как на непосредственных потомков исторически недавних жестоких завоевателей, почти разрушивших высокую местную оседло-земледельческую и городскую культуру и заменивших ее на примитивную культуру пастухов (см. пример такого рода высказываний армянских ученых, приведенный очевидцем: Tishkov, 1997, p. 14—15). Эти взгляды в годы Карабахского конфликта были повторены в особо утрированном и унижающем средневековых тюрков и их современных потомков виде (Юсубов, 1990, с. 46). Но и азербайджанские историки к 70-м годам также во многом фактически приняли данную точку зрения, что и предопределило их повышенный интерес к поиску этнокультурных связей современных азербайджанцев с албанцами — оседлыми кавказоязычными земледельцами Восточного Закавказья, а не со средневековыми тюрками — кочевыми скотоводами. Поэтому, например, фундаментальные исследования кочевого хозяйства азербайджанцев XIX в. были опубликованы в Москве, а их автор была вынуждена в конце концов переехать сюда из Баку (Исмаил-Заде, 1960; Исмаил-Заде, 1973). Более того, в азербайджанской историографии 70-х — начала 80-х годов восторжествовала ложная точка зрения, будто в XIX в. кочевников и носителей кочевого образа жизни и культуры среди азербайджанцев вообще уже не было (Исмаилов, 1976, с. 149).

Итак, какова бы ни была адекватная точка зрения на реальный вклад кочевых тюрков в историю хозяйства и культуры народов Восточного Закавказья, в среде интеллектуалов региона к началу Карабахского конфликта преобладало либо резко негатив-

ное к нему отношение (армяне), либо стремление к замалчиванию этого вклада или к преуменьшению его истинных масштабов и временных рамок (азербайджанцы).

Во-вторых, это проблема признания прав кочевого скотоводческого (как и любого другого неоседлого) населения на сезонно используемые им земли и на передачу этих земельных прав потомкам. Здесь лишь последние десятилетия XX в. ознаменовались существенными и позитивными для кочевников изменениями, тогда как ранее подобные права на землю кочевого скотоводческого населения практически не признавались европейскими государствами. Печальным правилом социальной модернизации и экономического развития в бывших европейских колониях было фактическое ущемление прав и интересов неоседлых скотоводов за счет самых разных предпочтений оседло-земледельческим этнокультурным группам; в Африке, например, это общее правило подтверждается реальной практикой 60—70-х годов (Frantz, 1975, p. 14—17). Также и в российском Восточном Закавказье XIX в. все пастбища неоседлых скотоводов были признаны государственными («казенными») землями, за пользование которыми взимались налоги и которые достаточно часто безвозмездно отчуждались местной администрацией в пользу оседло-земледельческих групп населения (особенно переселенцев — армян, русских) либо той части кочевников-азербайджанцев, которая переходила к оседлости и земледельческому хозяйству (Исмаил-Заде, 1973, с. 367).

Недавний перелом в отношении к традиционным правам кочевых скотоводов на землепользование отразился, например, в политике Всемирного банка, который в 90-е годы внес коррективы в условия выделения кредитов на экономическое развитие и отныне считает необходимым предварительную «организацию официального признания традиционного землевладения» и «возобновление прав землепользования коренного населения на долгосрочной основе», в том числе и в отношении неоседлых групп (Плант, Томей, 1994, с. 50). Современная юридическая антропология тоже подтверждает, что любая «коренная или местная» этническая группа, независимо от своего образа жизни и культуры, имеет право на использование природных ресурсов тех земель, которые необходимы для сохранения традиционного хозяйства членов данной группы и которые реально использова-

лись их непосредственными предками. Признание этого права — автоматическое следствие признания права любой этнокультурной группы населения на жизнь и на сохранение своей традиционной культуры, образа жизни и хозяйства; последнее в настоящее время активно проникает в международное и в национальное право большинства государств мира (подробнее см.: Venda-Beckman F., Venda-Beckman K., 1997, p. vii, xi).

Естественно, все это в полной мере распространяется (или должно распространяться) на кочевников-скотоводов и на их потомков, продолжающих существовать за счет использования тех же самых природных ресурсов традиционному освоению еще их предками земель, т. е. сезонных летних (горных) и зимних (равнинных) пастбищ. Осуществлению этой задачи в 90-е годы действительно способствует этнология (культурная антропология) кочевых скотоводов, ставшая ныне в центр своего внимания изучение вопросов традиционного пастбищного общинного землепользования, функционирующего на основе норм обычного права, и разработку механизмов предотвращения отчуждения земель у кочевых скотоводов в пользу оседлых земледельцев либо сохранения доступа к бывшим пастбищным землям тех групп кочевников, которые сами переходят к оседлости (Fratkin, 1997, p. 236).

Итак, можно с сожалением констатировать, что отмеченные выше принципиальные изменения последнего десятилетия в отношении ученых и политиков к признанию прав кочевого скотоводческого населения на сезонно используемые им пастбищные земли никак не проявились ни среди действующих лиц Карабахского конфликта, ни среди нейтральных аналитиков, пишущих о его истории или урегулировании.

**Предпосылки этнотерриториальных конфликтов,
проявляющиеся в процессе модернизации в регионах
традиционного сочетания кочевого скотоводства
и оседлого земледелия**

Кочевничество является не просто одним из типов традиционного хозяйства, но особым образом жизни этнокультурных групп, при котором вместе со стадами между сезонными пастбищами регулярно перекочевывают полные семьи скотоводов включая

неработоспособных маленьких детей и стариков. Последнее является определяющей характеристикой всех многообразных форм кочевого и полукочевого скотоводства. (Это отличает кочевое скотоводство от форм пастушеского горного скотоводства, которое тоже составляло основу традиционного хозяйства соответствующих этнокультурных групп и также предполагало регулярные дальние сезонные перегоны скота. Однако в этом случае вместе со стадами передвигались только работоспособные мужчины-пастухи, семьи которых постоянно жили в горных селениях.) На Кавказе в конце XIX — начале XX в. были широко распространены оба хозяйственно-культурных типа (кочевничество и пастушество) в их различных локальных вариантах, почти повсеместно сочетавшихся с преобладавшим оседло-земледельческим (крестьянским) хозяйственно-культурным типом (крестьяне пасли свой скот только на присельских выгонах).

По крайней мере со времени выхода в свет в 1956 г. ставшей классической работы Ф. Барта (Barth, 1974) хорошо известно, что две этнические группы могут неопределенно долго и практически бесконфликтно сосуществовать на одной и той же территории при условии, что они в силу специфики традиционного хозяйства и культуры природопользования занимают разные экологические ниши, т. е. используют различные природные ресурсы, мозаично распространенные на данной территории, и потому не соперничают друг с другом из-за контроля над доступом к этим ресурсам, т. е. к средствам их существования. Наиболее яркие примеры подобного сосуществования двух этносов на одной территории Ф. Барт нашел в регионах, где веками проживали оседлые земледельцы и кочевые скотоводы. Кавказ, и в частности исторический Карабах, является одним из классических примеров подобных регионов.

Принципиально важной характеристикой традиционного кочевого (равно как и пастушеского) скотоводства являлись *регулярность* (т. е. из года в год без каких-либо пропусков) и *постоянство* (т. е. выбор одних и тех же участков) *использования сезонных пастбищ*. Эти пастбища — летние в зоне альпийских и субальпийских горных лугов, зимние в сухостепных и полупустынных предгорьях и на прилегающих равнинах — не были пригодны для земледелия в силу природных условий. Поэтому местное оседло-земледельческое население — армяне в среднегорной и низко-

горной части Карабаха — не претендовало на полный контроль за этими землями. Формально летние и зимние пастбища принадлежали государству и арендовались скотоводами, но на практике в большинстве случаев каждый участок из поколения в поколение, в полном соответствии с неписаными нормами обычного права, использовался одним и тем же «племенем» или «родом» кочевников-тюрков (азербайджанцев). Соответственно у этих скотоводческих групп сформировалось твердое представление о сезонных пастбищах как об исторически «своей земле». Действительно, без постоянного доступа к этим пастбищам они просто не смогли бы сохранить свой образ жизни, культуру и хозяйство.

Оседание кочевников-скотоводов на сезонных пастбищах до 1917 г. было затруднено или почти невозможно вследствие целого ряда причин, главными из которых были следующие:

экологические потребности домашних животных (разводившиеся кочевниками породы скота не могли выдержать сезонную специфику кормов и летнюю жару на равнине либо зимний холод в горах);

природные условия сезонных пастбищ (в альпийском и субальпийском вертикальных географических поясах постоянные поселения отсутствуют из-за суровой и долгой зимы и полной невозможности там земледелия; равнинные зимние пастбища в летний период были лишены воды, что также делало невозможным постоянные поселения на них либо получение устойчивых урожаев при богарном земледелии);

закрепленная в традиционной культуре кочевых скотоводческих групп населения Восточного Закавказья высокая престижность (а) занятия скотоводством (в противоположность земледелию) и (б) кочевого образа жизни;

традиционное и официальное регулирование землепользования (прямой запрет, закрепленный в обычном праве и полностью поддерживавшийся властями, самовольного перевода в пашню даже тех немногих окраинных участков сезонных пастбищ, где это было теоретически возможно).

Аграрная политика советской власти в конце 20-х и в начале 30-х годов была нацелена на коренную трансформацию образа жизни и хозяйства всех так называемых «отсталых» этнических групп, и в том числе кочевых скотоводов. Кочевые и полукоче-

вые азербайджанцы были насильственно переведены на оседлость и превращены в земледельцев в районах зимних пастбищ Мильско-Карабахской степи, которые с этой целью были обводнены каналами и артезианскими скважинами.

В конце 80-х — начале 90-х годов, когда в СССР имело место распространение идеала суверенной этнонациональной государственности или хотя бы национально-территориальной автономии, потомки кочевых скотоводов и оседлых земледельцев вступили в острые конфликты за право контроля уже над всей территорией своего нынешнего (или в недавнем прошлом сезонного) расселения и, соответственно, за право создания на всей этой территории своей государственности. В рассматриваемом случае это объясняется тем, что поныне живы азербайджанцы, родившиеся в 10—20-е годы на летних пастбищах или кочевых стоянках в пределах нынешнего Нагорного Карабаха. Для этих людей, их детей и внуков использовавшиеся ими и их предками земли сезонных пастбищ — «родные» и «свои» по историческому праву. Именно такую точку зрения мне доводилось не раз слышать в семьях бывших кочевников-азербайджанцев еще до начала Карабахского конфликта, т. е. в первой половине — середине 80-х годов во время экспедиционных этнологических исследований в Агдамском районе Азербайджана и Гадрутском районе НКАО. Но местные земледельцы-армяне в горах Нагорного Карабаха, напротив, воспринимают потомков кочевников-скотоводов как потенциальных пришельцев извне на исторически «их» земли, к тому же претендующих на постоянное проживание и полноценное представительство во властных структурах этих местностей, куда их недавние предки приходили только по экономическим соображениям и лишь на ограниченный период года.

Таким образом, территориальные этнические конфликты в регионах бывшего распространения кочевого скотоводства и оседлого земледелия, бытовавших у разных народов, отличаются наибольшей сложностью урегулирования, поскольку обе стороны (потомки скотоводческих и оседло-земледельческих этнических групп) убеждены в принадлежности спорных территорий прежде всего им на основе справедливости, исторического права и здравого смысла. Определенная логика есть при этом в позициях обеих сторон. Еще больше осложняет положение то, что внешняя сила (советское коммунистическое государство), осуществившая

насильственную модернизацию образа жизни, хозяйства и культуры кочевых скотоводов и тем самым породившая одно из оснований современной конфликтной ситуации, ныне исчезла и к тому же официально резко осуждается за многочисленные ошибки и жестокости.

Проблема территориального размежевания или налаживания добрососедского сосуществования этнических групп, прежде занимавших различные экологические ниши на одной территории, но вследствие насильственной унификации образа жизни и хозяйства вступивших в конфликт за право политического контроля над всей этой территорией со всеми ее природными ресурсами, имеет большое практическое значение, но крайне сложна с научной точки зрения. Тем не менее ее обсуждение и поиск путей выхода из подобного рода территориальных этнических конфликтов насущно необходимы.

Представляется, что предлагаемый ниже краткий анализ истории землепользования в Нагорном Карабахе и возможного урегулирования этой части территориальных проблем региона окажется полезным шагом в обсуждении данной проблемы.

**Традиционное землепользование и расселение
кочевников-скотоводов в историческом Карабахе
и его влияние на миграционные процессы 60—80-х
годов в регионе**

Объективный анализ этнического состава населения и землепользования в Нагорном Карабахе на протяжении XIX в. показывает не только общеизвестный факт подавляющего численного преобладания армян в составе постоянного оседлого сельскохозяйственного населения края, но и почти повсеместное присутствие на данной территории в отдельные периоды летнего сезона азербайджанского населения, двигавшегося весной и осенью со своими стадами по кочевым маршрутам либо останавливавшегося на летние кочевья в высокогорной полосе. Кстати, в последние годы наиболее полно формы и культурные последствия этих регулярных сезонных армяно-азербайджанских контактов в Нагорном Карабахе изучил профессиональный этнолог — первый, трагически погибший президент Нагорно-Карабахской Республики Артур Мкртчян (см., например: Мкртчян, 1985).

Указанная ситуация сезонного сосуществования в горах исторического Карабаха оседлого армянского и кочевого тюркского населения, а также частично и курдского, полностью ассимилированного азербайджанцами в XIX—XX вв., возникла очень давно, одновременно с массовым проникновением кочевых скотоводов на равнины Азербайджана. Например, из свидетельств современника событий историка Киракоса Гандзакеци известно, что уже в XIII в. практически сразу после вторжения в Восточное Закавказье татаро-монголы тоже практиковали подобные сезонные перекочевки — зиму они проводили на равнинах Мугани, а на лето проходили со стадами скота в горы к озеру Севан (Chorbajian, Donabedian, Mutaflan, 1994, p. 69); по всей вероятности, вследствие географии края эти сезонные перекочевки проходили через современный Нагорный Карабах.

Итак, на протяжении последних нескольких веков вся высокогорная зона исторического Карабаха фактически принадлежала кочевым скотоводам-тюркам, из которых вышли и ханы Карабаха. Традиционно четыре-пять теплых месяцев в году высокогорья Карабаха занимали эти прямые предки современного азербайджанского населения равнинного Карабаха, в который они откочевывали только на зимний период и где в конце концов осела основная их часть. В равнинном Карабахе, т. е. на Мильско-Карабахской равнине, ныне расположены Агдамский, Агджабединский, Имишлинский, Бейлаганский, Физулинский районы Азербайджана, лежащие в треугольнике между среднегорьями и низкогорьями Нагорного Карабаха на западе, реками Курой на северо-востоке и Араксом на юго-востоке; эти территории представляют собой степные и полупустынные ландшафты, которые и служат зимними пастбищами. Потомками осевших кочевников являются также азербайджанцы Лачинского и Кельбаджарского районов Азербайджана, входивших наряду с современным Нагорным Карабахом в состав горной части исторического Карабаха.

Можно попытаться ориентировочно определить сложившуюся в XIX в. картину землепользования и численности населения исторического Карабаха — оседлых земледельцев (армян, живших на территории современного Нагорного Карабаха) и кочевых скотоводов (азербайджанцев и курдов), перекочевывавших со своих зимовок на Мильско-Карабахской равнине на лето в

высокогорья Нагорного Карабаха, соседних районов Азербайджана (Кельбаджарского, Лачинского) и Армении (Кафанского, Горисского, Сисианского, Азизбековского).

Так, в 1845 г. в историческом Карабахе проживало 30 тыс. армян и 62 тыс. мусульман (в подавляющем большинстве азербайджанцев), причем среди последних около 50 тыс. человек вели кочевой образ жизни (Колониальная политика..., 1937, с. 20, 22). В 1897 г. сельское население Шушинского и Джеванширского уездов Елизаветпольской губернии, занимавших основную часть исторического Карабаха, состояло на 44,3% из армян (93,6 тыс. человек) и на 54,8% из азербайджанцев (115,8 тыс. человек), не считая армянского и азербайджанского населения города Шуши (расчеты автора, статистические данные из кн.: Первая всеобщая..., 1904, т. 63).

На зимних пастбищах (кишлагах) Мильско-Карабахской степи летом в последние годы XIX в. оставалась только тридцатая часть азербайджанского населения, а все остальные откочевывали в горы — на летние пастбища (яйлаги) Карабахского хребта (служит западной границей Нагорного Карабаха), Муровдагского хребта (образует часть северной границы Нагорного Карабаха), Зангезурского хребта и Карабахского нагорья (последнее лежит преимущественно в пределах Лачинского и части Кельбаджарского районов Азербайджана). На всех этих территориях, официально именовавшихся «Карабагскими казенными летними пастбищами», исторически сформировались 567 отдельных пастбищных участков с точно определенными границами. Из них 438 пастбищных участков (т. е. примерно 75%) полностью либо частично традиционно использовались азербайджанцами, абсолютное большинство которых ежегодно приходило с Мильско-Карабахской равнины (Скибицкий, 1898, с. 39, 202). Вообще в течение XIX в. скотоводы Восточного Закавказья всегда точно знали естественные границы традиционно использовавшихся ими пастбищных участков, каждый из которых имел собственное название, тогда как площадь этих участков часто не была точно определена (Исмаил-Заде, 1973, с. 358). Однако здесь речь идет именно о сезонных пастбищах; помимо них каждое селение оседлых земледельцев имело собственные присельские выгоны для выпаса своего скота, которые, естественно, не вошли в приведенную выше статистику землепользования в горном Карабахе.

Подобные перекочевки большинства азербайджанского населения Мильско-Карабахской степи в полной мере продолжались и в 20-е годы, т. е. после организации Нагорно-Карабахской автономной области. Во второй половине 20-х годов было проведено специальное обследование хозяйства жителей Агдамского уезда, включившего в себя все равнинные и в зимний период заселенные исключительно азербайджанцами части бывших Шушинского и Джеванширского уездов. Оказалось, что по-прежнему «население ведет кочевой образ жизни: зимой проживает на низменности, а летом в горах» и что «...на эйлаги уходят целиком все семьи, причем уходят и хозяева-нескотоводы. На летние пастбища, в горы, переселяются и оседлые жители...» (Авдеев, 1929, с. 85, 165).

Именно эти экономические интересы кочевников-скотоводов равнинного Карабаха, жизненно заинтересованных в свободном доступе к кочевым маршрутам с их осенними и весенними пастбищами и водопоями, а также к участкам высокогорных летних пастбищ-яйлагов, оказавшихся на территории НКАО после ее создания, в значительной степени определили включение Нагорного Карабаха в состав Азербайджана. Вспомним, что итоговое решение Пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г., предопределившее судьбу Нагорного Карабаха в советский период его истории, гласило: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи верхнего и нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Аз.ССР, предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в г. Шуше, входящем в состав автономной области» (Нагорный Карабах..., 1988, с. 32—33).

С переводом в начале 30-х годов кочевников и полукочевников на оседлость сезонные миграции азербайджанского населения Мильско-Карабахской степи через Нагорный Карабах и отчасти в высокогорья Нагорного Карабаха прекратились. Однако еще задолго до этого исторически переломного момента азербайджанцы исторического Карабаха в ходе всех переписей или камеральных оценок численности населения края учитывались только по состоянию на зимний период, т. е. как жители Мильско-Карабахской равнины. Причина в том, что именно зимой кочевники отличались минимальной подвижностью, а полукочев-

ники были сосредоточены в относительно многолюдных сезонно обитаемых поселениях из землянок. Летом же те и другие разбивались на малые группы или отдельные семьи, которые часто перекочевывали в пределах своих высокогорных пастбищных участков, меняя места расположения своих «алачугов» (закавказского аналога тюркской войлочной юрты) много раз за сезон. Указанная методика учета азербайджанского населения исторического Карабаха в местах его зимнего проживания как раз и приводила к тому, что никто из кочевников и полукочевников не вошел, например, в состав тех 6% азербайджанских жителей Нагорного Карабаха, которые были зафиксированы сельскохозяйственной переписью 1921 г.

Таким образом, сочетание кочевого образа жизни основной части азербайджанцев исторического Карабаха на рубеже XIX и XX вв. и методов учета населения впоследствии привело к фактическому искажению картины реального расселения и землепользования народов региона, приводимой в большинстве публицистических и даже научных работ по Карабахскому конфликту. Кроме того, сформировавшиеся не вполне адекватные представления об этническом составе населения, расселении и землепользовании в пределах Нагорного Карабаха в момент организации этой автономии не позволяют полностью понять, на каком основании азербайджанское население прилегающих к Нагорному Карабаху равнинных районов Азербайджана считает земли этой армянской автономии своими и столь негативно воспринимает идеи независимости региона или его вхождения в состав Армении. Недооценка последнего фактора, кстати, чревата непониманием всей глубины Карабахского конфликта и сложности поиска его взаимоприемлемого урегулирования.

Однако былое кочевое хозяйство и землепользование азербайджанцев равнинного Карабаха в пределах современного Нагорного Карабаха сказалось не только на исторической памяти и представлениях этого населения о границах «родной земли». Имели место и не менее серьезные практические социально-экономические и демографические последствия прошлого традиционного хозяйственного уклада и образа жизни.

Во-первых, в экономическом плане вплоть до начала Карабахского конфликта в регионе большое значение в жизни людей продолжало играть пастбищное овцеводство, которое после перево-

да кочевников на оседлость трансформировалось в отгонное. Каждую весну сотни чабанов из практически всех азербайджанских поселков Мильско-Карабахской степи, по традиции сопровождаемых женами и детьми, гнали отары овец через территорию Нагорного Карабаха на исторически закрепленные еще за их предками горные пастбища, а частью останавливались в пределах НКАО на все лето; осенью все они проходили обратно на равнину. Чабаны и их односельчане в 70—80-е годы официально имели право содержать вместе с колхозными и совхозными отарами личный скот, в том числе и на отдаленных летних пастбищах.

Таким образом, очень многие сельские жители прилегающих к Нагорному Карабаху равнинных азербайджанских районов сохранили прямую и существенную экономическую заинтересованность в использовании скотопрогонных маршрутов, проходящих через НКАО, а частью и высокогорных пастбищ самой автономии. Карабахский конфликт полностью разрушил эту отрасль экономики, а потенциальная независимость либо вхождение Нагорного Карабаха в состав Армении, как считают сами азербайджанцы, исключают возможность ее восстановления. Естественно, эти соображения служат весомым аргументом в требованиях азербайджанского населения районов Мильско-Карабахской степи оставить Нагорный Карабах в составе и под реальной властью Азербайджана.

Во-вторых, в демографическом плане история хозяйства и землепользования азербайджанского населения исторического Карабаха во многом способствовала неуклонной «азербайджанизации» этнического состава населения сельской местности региона в последние советские десятилетия, что в свою очередь послужило решающей причиной развития Карабахского конфликта. В этом процессе сыграли роль как более высокий естественный прирост азербайджанцев, так и, главное, гораздо более высокий уровень миграционного оттока армян из сельской местности в города Закавказья и других частей СССР. Отмеченный процесс «азербайджанизации» деревни в самых общих чертах протекал следующим образом. Следствием быстрого роста азербайджанского сельского населения, особенно в экономически отсталых горных районах Азербайджана, где площадь сельскохозяйственных угодий невелика и практически не может быть уве-

личена в силу природных условий, стало появление безработицы. Первоначально это была неполная занятость, когда часть жителей имела работу только в летний период и потому получала в итоге по 50—80 руб. в месяц (в пересчете за год), а потом ее сменяла открытая массовая безработица молодых мужчин. В таких условиях можно легко понять побудительные мотивы активной миграции азербайджанцев в сельскую местность НКАО и пограничных районов Армении в последние советские десятилетия, несмотря на в большинстве случаев враждебное либо просто негативное отношение к этому местного армянского населения: ведь оттуда активно выезжала армянская молодежь, освобождая тем самым в армянских селениях рабочие места.

Важно подчеркнуть, что масштабы этой миграции азербайджанцев были значительны во многом благодаря тому, что переезжали они вовсе не в незнакомые и чужие для них местности, а на территории, которые они считали исторически своими и которые были им действительно хорошо знакомы. Ведь у некоторых в этих горных районах исторического Карабаха и Армении уже проживали родственники из числа коренных местных азербайджанцев, другие неоднократно слышали от дедов и отцов про бывшие родовые летние кочевья или кочевые пути, проходившие в этих местностях вблизи выбранных для переезда армянских горных деревень, а третьи и сами до переселения уже неоднократно бывали там в качестве колхозных или совхозных чабанов. Кстати, особенно часто приезжие азербайджанцы становились в армянских селах или колхозах и совхозах чабанами либо животноводами, ведь в последние десятилетия армянская молодежь практически вообще не выбирала профессию чабана, требовавшую проводить большую часть года вдали от селения и собственной семьи на летних высокогорных пастбищах.

Особо стоит отметить, что процесс роста абсолютной численности и относительной доли азербайджанцев и одновременного снижения численности и доли армян в составе сельского населения районов Восточного Закавказья, исторически имевших смешанный армяно-азербайджанский состав жителей, одинаковым образом шел в собственно Азербайджане, Нагорном Карабахе и в Армении. Таким образом, не соответствуют действительности наиболее распространенные аргументы армянских авторов, требовавших перевода Нагорного Карабаха в состав Армении с це-

люю прекратить процесс «вытеснения» из НКАО армян (см., например: Вартанян, 1997, с. 5; Нагорный Карабах..., 1988, с. 45). Ведь если аналогичные этнодемографические явления имели место и в самой Армении, то это значит, что дело было не только и даже не столько в сознательной политике азербайджанских властей, сколько в иных причинах.

Важность последнего сюжета, непосредственно вытекающего из истории землепользования и расселения кочевых и полукочевых скотоводов-азербайджанцев в крае, делает необходимым представить имеющиеся в распоряжении автора фактические данные. В табл. 5, рассчитанной автором, приведены материалы переписей населения СССР в 1959 г. и в 1979 г., хранящиеся в архиве сектора этнической демографии и картографии Института этнологии и антропологии РАН. В этой таблице сравниваются этнодемографические процессы в горных районах, вполне сопоставимых по природно-хозяйственным условиям. По районам Нагорного Карабаха и Армении приведены сведения о динамике общей численности сельского населения (практически везде снизившейся) и по динамике численности и абсолютной доли сельских азербайджанцев (практически везде возросшей либо стабильной); последнее означает, что основная часть местного сельского населения — армяне — испытала снижение своей численности и относительной доли (см. также: Ямсков, 1991, с. 173).

Таблица 5

Динамика численности и относительной доли сельского армянского и азербайджанского населения ряда горных районов Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении

Территория	1959 г.		1979 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Азербайджан				
Нахичеванская АССР (азербайджанцы)	103,1		179,3	
Лачинский район (азербайджанцы)	22,4		41,2	

Территория	1959 г.		1979 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Дашкесанский район:	22,3		20,7	
азербайджанцы	14,1	63,2	15,2	73,4
армяне	8,2	36,8	5,5	26,6
Шаумяновский район:	16,5		12,2	
азербайджанцы	4,2	25,0	4,6	38,0
армяне	12,1	73,3	7,4	60,7
Нагорный Карабах				
Мардакертский район:	37,3		33,9	
азербайджанцы	2,2	5,9	5,1	15,1
Аскеранский район:	20,1		19,2	
азербайджанцы	1,4	6,9	3,5	18,0
Шушинский район:	4,5		5,2	
азербайджанцы	2,3	50,9	3,5	67,7
Мартунинский район:	24,2		21,1	
азербайджанцы	1,7	7,2	2,2	10,3
Гадрутский район:	16,8		12,6	
азербайджанцы	Нет данных		0,9	7,0
Армения				
Красносельский район:	24,0		20,4	
азербайджанцы	9,3	38,8	14,0	68,6
Варденисский район:	35,6		45,7	
азербайджанцы	17,1	48,0	30,0	65,6
Сисианский район:	22,7		21,1	
азербайджанцы	5,4	23,8	4,9	23,2
Горисский район:	19,0		18,8	
азербайджанцы	0,8	4,2	0,8	4,3

Территория	1959 г.		1979 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Кафанский район:	16,7		13,6	
азербайджанцы	6,9	42,0	7,6	56,0

Возможные перспективы урегулирования Карабахского этнотерриториального конфликта с учетом традиционных прав и экономических интересов азербайджанцев региона

Представляется, что основная сложность урегулирования Карабахского конфликта обуславливается необходимостью выделения в регионе нескольких типов территорий, имеющих принципиально разные международно-правовые статусы, что многократно усложняет проблему нахождения консенсуса вовлеченных сторон (подробнее об этой теме см.: Yamskov, 1996).

Не вдаваясь во все тонкости проблемы, отмечу лишь, что речь обычно идет о выделении максимум четырех-пяти типов территорий, особые политические статусы которых должны быть определены в ходе консультаций и переговоров. При этом предполагается, что остальные территории Азербайджана армия Нагорного Карабаха освобождает в процессе достижения политического урегулирования конфликта без предварительных условий, но на основе выработки соглашений о мире и безопасности в пограничной зоне и возвращения Азербайджаном Нагорному Карабаху небольших восточных частей Мартунинского и Мардакертского районов.

Эти активно обсуждаемые территории перечислены ниже с добавлением авторских характеристик их возможного статуса. Перечисление идет в порядке убывающей значимости этих территорий для безопасности Нагорного Карабаха и, следовательно, в порядке вероятного уменьшения степени контроля над ними

со стороны властей Нагорного Карабаха и параллельного увеличения уровня зависимости от властей Азербайджана после возможного урегулирования Карабахского этнотерриториального конфликта на компромиссной основе, а не в маловероятном случае фактической капитуляции одной из сторон:

территория собственно Нагорного Карабаха (кроме Шуши) с исторически преобладавшим армянским населением (должна иметь максимально высокий политический статус, т. е. де-факто независимость и де-юре минимальную международно-правовую зависимость от Азербайджана и от Армении как гаранта безопасности армянского населения края и территориальной целостности последнего);

территория города Шуши, прежде имевшая преимущественно азербайджанское население и, как бывшая столица Карабахского ханства и одновременно как эпицентр недавних «этнических чисток» азербайджанцев в Нагорном Карабахе, обладающая особой символической ценностью для Азербайджана (вероятно, после возвращения беженцев должна иметь де-факто и, не исключено, де-юре совместное управление со стороны Нагорного Карабаха и Азербайджана, но при условии абсолютного преобладания властных полномочий первой из сторон);

территория Лачинского коридора, лежащая в пределах Лачинского района Азербайджана и связывающая Нагорный Карабах (через Шушинский район) с Арменией, которая прежде имела азербайджанское население, подвергшееся «этническим чисткам» (вероятно, ее статус де-факто должен быть близок статусу Шуши, но де-юре может быть несколько иным из-за определенного сдвига баланса формальных правовых полномочий в сторону Азербайджана);

территория северной и исторически имевшей армянское население части бывшего Шаумяновского (нынешнего Геранбойского) и частично Ханларского районов Азербайджана, формально включенная в состав Нагорно-Карабахской Республики, но в данное время контролируемая азербайджанской администрацией и подвергшаяся «этническим чисткам» армян (в случае возвращения беженцев возможен фактический и юридический статус, близкий к статусу Лачинского коридора, что явится компромиссом в балансе интересов Азербайджана и Нагорного Карабаха и одновременно обоюдным гарантом безопасности на обеих ука-

занных территориях возвратившегося туда после «этнических чисток» местного населения);

территория Лачинского и Кельбаджарского районов Азербайджана, разделяющая земли Нагорного Карабаха и Армении (обычно предусматривается возвращение азербайджанских беженцев и переход под полный суверенитет Азербайджана, но при условии постоянной демилитаризации).

Однако есть и еще одна территориальная проблема, требующая особого урегулирования, — проблема правового статуса скотопрогонных (бывших кочевых) маршрутов, проходящих через Нагорный Карабах с востока на запад, в основном по долинам рек Тертер, Хачинчай, Каркарчай, Кенделанчай и других более мелких водотоков. Вдоль таких маршрутов проходят и основные магистральные автомобильные дороги региона Барда — Кельбаджар и Агдам — Шуша — Лачин. К сожалению, этому аспекту территориальных проблем карабахского урегулирования до сих пор специалисты и публицисты уделяют явно недостаточно внимания.

Представляется, что данные территории тоже должны рассматриваться в качестве совершенно особого типа и что их будущий правовой статус также должен стать предметом дискуссий. По крайней мере непосредственное экономическое и символическое значение этого аспекта территориальных проблем для азербайджанцев равнинного Карабаха весьма высоко и, видимо, превышает значимость вопросов о будущем горной части Шаумяновского (Геранбойского) района или Лачинского коридора, да и для армян Нагорного Карабаха эта проблема имеет существенную важность с точки зрения обеспечения их безопасности.

Большое значение проблемы урегулирования политического статуса скотопрогонных кочевых маршрутов, находящихся в пределах Нагорного Карабаха, и формального определения прав азербайджанских скотоводов с прилегающих равнин на продолжение традиционного пользования ими заключается в перспективах экономического развития районов Мильско-Карабахской степи и особенно той основной части Агдамского района, которая ныне занята армией Нагорного Карабаха. Это преимущественно аграрные районы, к тому же частью сильно пострадавшие в ходе военных действий. Возвращение беженцев поставит их в сложное положение — кроме сельского хозяйства, иных сфер занятости здесь

нет и, вероятно, долго еще не будет ввиду опасности нового вооруженного конфликта и нецелесообразности в связи с этим крупных капиталовложений. Но в структуре сельского хозяйства здесь всегда большую, а в не столь давнем прошлом и абсолютно преобладающую роль играло овцеводство, базировавшееся на использовании летних высокогорных пастбищ и сезонных перегонах отар через Нагорный Карабах.

Вероятно, именно возрождение последнего является наиболее реальным и надежным средством оживления местной экономики и роста уровня жизни азербайджанского населения, учитывая его знания и хозяйственные навыки. По крайней мере, можно ожидать, что именно такими будут требования самих местных азербайджанцев в случае урегулирования конфликта и исчезновения угрозы новой войны с Нагорным Карабахом. Армяно-азербайджанская война 1918—1920 гг. тоже прекращала кочевки азербайджанцев через Нагорный Карабах, но после установления мира они сразу возобновились, а через несколько десятилетий сезонные перегоны скота стали сопровождаться оседанием азербайджанцев на территории армянской автономии. Следовательно, непосредственные соседи Нагорного Карабаха, живущие в Мильско-Карабахской степи, и в будущем скорее всего смогут признать окончательный характер урегулирования конфликта только при том условии, что они вновь получат возможность заниматься традиционным для них отгонным овцеводством и пользоваться летними пастбищами, лежащими в Кельбаджарском и Лачинском районах.

Таким образом, действенное и приемлемое для азербайджанского населения Мильско-Карабахской равнины урегулирование Карабахского территориального конфликта должно предусматривать, во-первых, формальное признание права чабанов на сезонный (весенний и осенний) прогон отар через Нагорный Карабах по исторически сложившимся маршрутам на высокогорные летние пастбища Кельбаджарского и Лачинского районов Азербайджана. (Вероятно, высокогорные пастбища самого Нагорного Карабаха и Армении, использовавшиеся ими до начала конфликта, окажутся окончательно потерянными для азербайджанцев по соображениям практической невозможности обеспечения там безопасности их самих и окрестного армянского населения.) Это право должно распространяться и на пользование

участками весенних и осенних пастбищ вдоль указанных маршрутов. Во-вторых, формальное право чабанов на проход по территории Нагорного Карабаха должно подкрепляться реально работающими механизмами его осуществления, предотвращающими возможность стычек армян и азербайджанцев в ходе сезонных перегонов скота. Итак, речь должна идти действительно о выделении и оформлении особого правового статуса территорий традиционных кочевых скотопрогонных маршрутов, причем гарантии безопасности чабанов и местного населения должны совместно обеспечивать власти Нагорного Карабаха и Азербайджана (возможно, силами объединенных групп инспекторов и полицейских, представляющих обе стороны).

Следует отметить также географическую специфику исторического Карабаха — транспортные связи его горной и равнинной частей всегда шли в широтном направлении, пересекая территорию современного Нагорного Карабаха. Горные Кельбаджарский район и северная часть Лачинского района Азербайджана, где расположена основная часть летних пастбищ, связаны с остальной территорией республики только автомобильными дорогами, проходящими вдоль древних кочевых маршрутов по землям Нагорного Карабаха. С севера Кельбаджарский район отделен от Дашкесанского и Ханларского районов Азербайджана практически непроходимым для автотранспорта Муровдагским хребтом, поднимающимся до 3000 м и более над уровнем моря. Большая часть Лачинского района, правда, доступна с юга (дороги идут через Лачин и Лачинский коридор), но связи его с Кельбаджарским районом тоже сильно затруднены и современных автодорог, соединяющих оба эти района Азербайджана, также пока нет. Таким образом, территории вдоль автотрасс Барда — Кельбаджар и Лачин — Агдам должны, видимо, получить особый статус и совместный контроль со стороны властей Азербайджана и Нагорного Карабаха в течение всего года, а не только на периоды весеннего и осеннего прогона скота на пастбища чабанами-азербайджанцами из равнинного Карабаха. Последнее, однако, требует достижения весьма высокого уровня взаимопонимания и доверия обеих сторон.

Заключение

Представленное выше рассмотрение современных этнополитических последствий традиционного землепользования и хозяйства в историческом Карабахе подводит ко многим выводам и размышлениям. Хотелось бы выделить три из них, перечисляемые ниже в порядке относительного возрастания практической значимости и актуальности.

Во-первых, рассуждая с чисто академической точки зрения, можно отметить, что в работах этнополитической направленности часто необходимо уделять большое внимание сюжетам из области традиционной этнологии и этноэкологии (землепользование и хозяйство, расселение кочевников и других неоседлых групп населения, процессы и факторы их перехода к оседлости и земледелию). К сожалению, в постсоветских исследованиях это делается далеко не всегда, и даже этнологи при анализе этнических конфликтов чаще стремятся работать в стиле политологов и социологов и в сфере их профессиональной компетенции.

В качестве примера необходимости изучения этноэкологических аспектов современного этнотерриториального конфликта можно указать на то, что до некоторой степени аналогом ситуации в Карабахе является этнополитическое положение в равнинном Дагестане. Здесь, в Кумыкии, традиционно служившей зимней базой пастушеского скотоводства горцев (в основном аварцев и лакцев), также усилиями советской власти было проведено обводнение зимних пастбищ, создание на них постоянных поселков и зачастую принудительное переселение туда горцев. Эта программа длилась вплоть до 70-х годов, и ныне кумыки стали этническим меньшинством в Кумыкии. Однако и для горцев, превратившихся в постоянных жителей Кумыкии исторически совсем недавно, эти земли не являются совсем чужими либо новыми — их предки веками использовали там зимние пастбища, и зачастую аварцы и лакцы переселялись с гор в равнинные селения, созданные на традиционно закрепленных именно за их горными аулами пастбищных землях. Таким образом, исторически и, главное, в восприятии самих переселенцев-горцев это в определенной степени и «их» земли, что резко обостряет современную политическую ситуацию в регионе в те нередкие периоды, когда требования либо опасения создания собственно кумыкской

этнотерриториальной автономии вновь оказываются в центре общественного внимания жителей Дагестана.

Во-вторых, вышеприведенный краткий анализ современных изменений в зарубежных политических науках, этнологии (культурной антропологии) и правоведении относительно трактовки прав на землю кочевых и других неоседлых групп населения и их потомков показывает, что и в случае Нагорного Карабаха тема традиционного сезонного присутствия в его пределах азербайджанских кочевников и полукочевников и, следовательно, наличия прав на такое присутствие у их прямых потомков, продолжающих заниматься скотоводством, также будет рано или поздно поднята. Однако необходимо эту тему обсудить именно на стадии поиска путей урегулирования конфликта и учесть ее при выработке политических решений судьбы Нагорно-Карабахской Республики и ее населения. В противном случае эта тема так или иначе все равно привлечет к себе внимание, но если это произойдет после заключения каких-либо соглашений, то «новые» факты такого рода смогут разрушить подобные соглашения, достигнутые без их учета.

В-третьих, вопросы восстановления отгонно-пастбищного скотоводства азербайджанцев равнинного Карабаха и, следовательно, обеспечения права на сезонные проходы чабанов с отарами через территорию Нагорно-Карабахской Республики должны стать одной из важных составных частей в общем блоке проблем урегулирования экономических связей Нагорного Карабаха с Азербайджаном и Арменией. Представляется, что ни урегулирование центрального круга общеполитических проблем (политический статус Нагорного Карабаха и его правовые связи с Арменией и Азербайджаном), ни даже решение второго круга более конкретных и не менее сложных вопросов (определение статуса Лачинского коридора и границ Нагорного Карабаха, в том числе правового положения города Шуши и бывшей горной части Шаумяновского (Геранбойского) района), к которым приковано ныне основное внимание специалистов, сами по себе не принесут мира на земли региона.

Подлинное урегулирование Карабахского конфликта возможно только при условии восстановления и дальнейшего развития обоюдно выгодных и действительно жизненно важных для жителей Нагорного Карабаха и прилегающих районов Азербайджана

экономических связей в области транспортных коммуникаций, энергетики и связи, использования водных ресурсов. В этом ряду по праву должна занимать свое важное место и проблема использования земельных ресурсов летних пастбищ высокогорной зоны исторического Карабаха, которая, как и столетия назад, для своего решения требует восстановления уровня определенного доверия друг к другу и сотрудничества армян и азербайджанцев региона.

Литература

Авдеев М. Н. Мильско-Карабахская степь: Кочевое и оседлое хозяйство. — Баку, 1929.

Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 года: Итоги. — Баку, 1924. — Т. 3. — Вып. 17.

Варданян А. Цельность права и демагогия целостности: Практика политического лукавства // Независимая газ. — 1997. — 3 дек.

Лукасян А. Нагорно-Карабахская Республика уже состоялась как государство // НГ-содружество. — 1998. — № 2. — С. 3.

Исмаил-Заде Д. И. Из истории кочевого хозяйства Азербайджана первой половины XIX века // Исторические записки. — М., 1960. — Т. 66. — С. 96—136.

Исмаил-Заде Д. И. Прощения крестьян-кочевников Азербайджана (Опыт количественного определения состава информации источника) // Источниковедение отечественной истории. — М., 1973. — С. 347—377.

Исмаилов М. А. О характере так называемого «кочевого скотоводства» в Азербайджане в XIX — начале XX века // История СССР. — 1976. — № 6. — С. 141—150.

Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в. — М.; Л., 1937. — Ч. 2.

Котанджян Г. Разные стороны опыта противостояния: Особенности идентификации и разрешения карабахского конфликта // Независимая газ. — 1997. — 16 июля.

Левин Р. Нагорный Карабах — наша родина, и мы туда вернемся // Независимая газ. — 1998. — 12 марта.

Мкртчян А. А. Межэтнические контакты в Нагорном Карабахе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Межэтнические контакты и развитие национальных культур / Ин-т этнографии АН СССР. — М., 1985. — С. 54—62.

Нагорный Карабах: Историческая справка / Ред.: Г. А. Галоян, К. С. Худавердян. — Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. — 96 с.

Новосельцев А. П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период // Правда о Нагорном Карабахе: Материалы и документы / Ереван. гос. ун-т. — Ереван, 1989. — С. 58—66.

Паин Э. А., Попов А. А. Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению) // Совет. этнография. — 1990. — № 1. — С. 3—15.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — СПб., 1904. — Т. 63.

Плант Р., Томей М. Права на землю коренных и ведущих племенной образ жизни народов в отдельных развитых и развивающихся странах: Обзор вопросов права и политики, а также текущей деятельности. [Всемирная программа занятости. Рабочий документ. Политика и программы в целях развития]. — Женева: Междунар. бюро труда, 1994. — 102 с.

Скибицкий М. А. Карабагские казенные летние пастбища // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. — Тифлис, 1898. — Т. 4.

Стрелецкий В. Н. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. — М., 1997. — С. 225—249.

Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. — М.: Русский мир, 1997. — 532 с.

Тодуа З. «Война прекратится, если будет решена проблема Лачина и Шуши»: Министр иностранных дел Азербайджана Гасан Гасанов о возможных путях урегулирования карабахского конфликта // Независимая газ. — 1994. — 6 авг.

Юсубов И. Письмо другу. — Баку: Азернешр, 1990. — 48 с.

Ямсков А. Н. Нагорный Карабах: Анализ причин и путей решения межнационального конфликта // Национальные процессы в СССР / Отв. ред. М. Н. Губогло. — М.: Наука, 1991. — С. 165—186.

Alstadt A. L. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. — Stanford: Hoover Institution Press, 1992. — xviii, 331 p. — (Studies of Nationalities).

Barth F. Ecologic Relationships of Ethnic Groups in Swat, Northern Pakistan // Man in Adaptation. — P. 1. Cultural Present / Ed.: Y. Cohen. — Chicago, 1974. — 2nd ed. — P. 378—385.

von Benda-Beckmann F., von Benda-Beckmann K. Natural Resources, Environment and Legal Pluralism: An Introduction // Law and Anthropology. International Yearbook for Legal Anthropology. — Vol. 9. Natural Resources, Environment, and Legal Pluralism. — The Hague: Kluwer Law Intern., 1997. — P. vii—xii.

Chorbajian L., Donabedian P., Mutafian C. The Caucasian Knot: The History and Geo-Politics of Nagorno-Karabakh. — London; New Jersey: Zed Books, 1994. — 198, xxi p.

Frantz Ch. Pastoral Societies, Stratification, and National Integration in Africa. — Uppsala, 1975. — 33 p. — (Research Paper / The Scandinavian Inst. of African Studies; № 30).

Fratkin E. Pastoralism: Governance and Development Issues // Annu. Rev. of Anthropology. — 1997. — Vol. 26. — P. 235—261.

Heradstveit D. Ethnic Conflict and Refugees in the Former Soviet Union. — Oslo: 1993. — 69 p. — (Report / Norwegian Refugee Council; № 3).

Hunter Sh. The Transcaucasus in Transition. Nation-Building and Conflict / The Center for Strategic and Intern. Studies. — Washington, 1994. — 223 p.

Kratochwil F., Rohrllich P., Mahajan H. Peace and Disputed Sovereignty: Reflections on Conflict over Territory. — Lanham: Univ. Press of America, 1985, 159 p.

Loken K. Armenia and Azerbaijan. Nagorno-Karabakh // Conflicts in the OSCE Area / Intern. Peace Research Inst. — Oslo, 1995. — P. 9—12.

Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame. — London: SAGE Publications Ltd, 1997. — x, 334 p.

Yamskov A. Ethnic Conflict in the Transcaucasus: The Case of Nagorno-Karabakh // Theory and Society. — 1991. — Vol. 20. — № 5. — P. 631—660.

Yamskov A. Joint Control over Key Territories in Nagorno-Karabakh // Security Dialogue. — 1996. — Vol. 27. — № 1. — P. 95—98.